

206
83P-
206

П. П. ВИКТОРОВЪ.

**Новый взглядъ
на природу
любви и брака.**

ИЗДАНИЕ
Д. П. ЕФИМОВА.
1904.

Альтенберг, П. „Эскизы“. 50 к.
 Ачкасовъ. Пѣсни русскихъ писателей о
 волѣ. Изд. 2-е, дополненное. 75 к.
 — Образцы изящной русской рѣчи.
 Сборникъ. 1 р.
 Ауэрбахъ. Дача на Рейнѣ. Изд. 2-е. 2 р.
 — Три единствен. дочери. Изд. 2-е. 50 к.
 Билъзе, лейтен. Изъ жизни одного ма-
 ленькаго гарнизона. 1 р.
 Браунъ, Лили. Женскій вопросъ. 2 р.
 Бернштейнъ. Проблемы социализма. 1 р.
 Бейерлейнъ, Фр. А. Иена или Седанъ?
 Романъ. 2 р.
 Бурже, П. Изъ-за любви. 50 к.
 — Трагическая идиллія. 1 р. 50 к.
 — Дѣловой человѣкъ. 75 к.
 — Призракъ. 1 р.
 — Этапъ. 1903 г. 1 р. 50 к.
 Бьерсонъ. Свыше нашей силы. 50 к.
 Винторовъ П. Ученіе о личности. Изд.
 2-е. 1 р. 50 к.
 — Новый взглядъ на природу любви
 и брака. 30 к.
 Вербицкая. Освободилась. 1 р.
 — Преступленіе Маріи Ивановны. 1 р.
 Вогюэ. Голоса мертвыхъ. 1 р.
 — Антонъ Чеховъ. 20 к.
 — Максимъ Горькій. Изд. 2-е. 30 к.
 Гартманъ Эд. Современ. психологія,
 подъ ред. М. М. Филиппова. 2 р. 25 к.
 Гауптманъ Г. Роза Берндъ. 40 к.
 Герцъ. Аграрные вопросы въ связи съ
 социализмомъ. 1 р.
 Гефдингъ, Г. Философскія проблемы.
 Перев. съ нѣм. Г. А. Котляра. 50 к.
 Денисюкъ. Краткій повторительный
 курсъ теоріи и исторіи полити-
 ческой экономіи примѣнительно
 къ курсу университета. 75 к.
 Джеромъ К. Джеромъ. Павелъ Кель-
 веръ. 1 р. 50 к.
 Записки Горона. Отъ нашествія до
 „анархіи“. Среди преступленій. 1 р.
 — Мошенники высшей школы и воров-
 скія шайки. Полиція будущаго. 80 к.
 Золя. Нана. Ром. 1 р.
 — Плодородіе. Ром. 1 р. 50 к.
 — Трудъ. Ром. 1 р. 50 к.
 Ирвингъ, В. Жизнь Магомета. 1 р.

Крестовская, М. Артистка. 2 р.
 — Исповѣдь Мытищева. Вопль. 1 р.
 — Сынъ и др. рассказы. Изд. 2-е.
 — Ревность и др. рассказы. Изд. 2-е.
 — Въѣзъ жизни и др. рассказы. Изд.
 1 р.
 — Ранняя гроза. Испытаніе. Изд. 3-е.
 Кюльпе. Современная философія
 Германіи. 80 к.
 Ли, Юн. Дочери командора. Ром. 1
 2-е. 60 к.
 Лухманова. Институтка. Изд. 2-е. 1 р.
 — Тайны жизни. 1 р. 25 к.
 — Избранные рассказы. 1 р.
 — 20 лѣтъ назадъ. 1 р. 25 к.
 — Вопросы и запросы жизни. 1 р.
 — Недочеты жизни современной
 щины. 50 к.
 Любичъ-Ношуровъ. Братъ человѣчес-
 75 к.
 — Боевая жизнь. 30 к.
 Мясницкій И. Проказники. 1 р. 25 к.
 — Гостинодворцы. Пов. 2 р.
 — Милые люди. Изд. 3-е. 1 р.
 — Мануфактуръ-совѣтникъ. 2 р.
 — Наши ближніе. 1 р.
 — Свадьба и др. разск. 1 р.
 — Бѣсъ-дѣвка. 1 р.
 — Омосквичился! 25 к.
 — Безъ языка. Изд. 2-е. 1 р.
 — Смѣшная публика. Изд. 3-е. 1 р.
 — Ихъ степенства. Изд. 3-е. 1 р.
 — Житейскія комедіи. Юмор. сб.
 — Отъ скуки. Юмор. сборникъ. 1 р.
 — Струйки смѣха. Изд. 2-е. 1 р.
 — Приключенія Жоржа Бантикова
 Сержа Канткова. 1 р.
 — Мужья и жены. Изд. 2-е. 1 р.
 — Веселые рассказы. 1 р.
 — Господа коммерсанты. 1 р.
 — Блестки юмора. 1 р.
 — Юмористическія шалости. 1 р.
 — 24 юморист. разсказа. 1 р.
 — Старообрядка. Романъ. 2 р.
 — И смѣхъ и грѣхъ. Юмор. сб. 1
 — Безъ претензій. Юмор. сб. 1 р.
 Метерлинъ, М. Собр. сочин. П.
 1 р. 50 к.
 Маминъ-Сибирякъ. Именинникъ. 1 р.
 — Уральскіе рассказы, т. 4-й. 1 р.

П. П. ВИКТОРОВЪ.

Новый взглядъ на природу любви и брака.

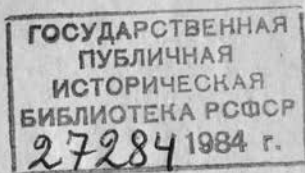

ИЗДАНИЕ
Д. П. ЕФИМОВА.

1904.

Петр Петрович

Дозволено цензурою. Москва, 27 іюля 1904 г.

Товарищество типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ
Марьина роща, соб. домъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящее изданіе—первая изъ двухъ публичныхъ лекцій, читанныхъ авторомъ въ Историческомъ музеѣ. Вторая («Гигіена и этика брака въ связи съ вопросомъ о половой жизни юношества») вышла въ свѣтъ нѣсколько ранѣе по обстоятельствамъ, не зависѣвшимъ отъ автора. Какъ увидитъ читатель, эта лекція является вступительной для цѣлаго ряда послѣдующихъ лекцій по разнымъ сторонамъ того же вопроса. Имѣющіяся въ текстѣ сокращенія и пропуски, которые авторъ вынужденъ былъ сдѣлать для отдѣльнаго изданія этой лекціи, предварительно напечатанной въ составѣ *второго выпуска* «Ученія о личности», читатель благоволитъ пополнить по источникамъ, указаннымъ въ примѣчаніяхъ. На всѣ возраженія и критики какъ со стороны сочленовъ ученыхъ обществъ (въ своемъ первоначальномъ видѣ лекція была прочитана въ формѣ доклада), такъ и со стороны рецензентовъ серьез-

ныхъ журналовъ общей и спеціальной печати авторъ отвѣтитъ во второмъ изданіи своихъ лекцій. Матеріалъ этого рода уже начинается у автора. Тѣмъ же путемъ авторъ намѣренъ отвѣчать и всѣмъ своимъ корреспондентамъ, серьезно интересующимся вопросомъ, оставляя за собой право однородныя возраженія и запросы сливать въ группы примѣнительно къ цѣлямъ самаго изслѣдованія.

Двѣ слѣдующихъ лекціи — «Половое развитіе юношества, его вліяніе на складъ личности и мѣры воспитанія» (подробное развитіе темы, затронутой въ одной изъ предшествующихъ лекцій лишь попутно) и «Брачный отборъ и совершенствованіе человѣка» уже подготовлены авторомъ для публичнаго прочтенія и послѣдующаго обнародованія въ печати.

Обѣ лекціи, кромѣ общей цензуры, разрѣшены спеціальной цензурой медицинскаго совѣта.

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стр.
Вступленіе.	7

I.

Половое общеніе, какъ актъ взаимнаго питанія. .	13
---	----

II.

Любовь, какъ потребность органическаго обновленія и ея значеніе для каждаго возраста. . . .	35
---	----

Новый взглядъ на природу любви и брака.

Вступленіе.

Три разряда естественныхъ законовъ властно управляютъ жизнью — *законы питанія, законы размноженія и законы воспитанія*. Обыкновенно думаютъ, что только законы питанія и размноженія господствуютъ надъ всѣмъ живущимъ на землѣ, законы же воспитанія считаются слѣдствіемъ сознательной дѣятельности преимущественно у человѣка. Но это глубокая неправда. Если принять, что въ основѣ воспитанія лежитъ съ одной стороны опять же питаніе, на что указываетъ сопоставленіе самыхъ словъ въ русскомъ языкѣ, съ другой — подражательность, то и законы воспитанія охватываютъ весь живущій міръ на правахъ естественныхъ законовъ. Наука неустанно работаетъ надъ уясненіемъ смысла этихъ естественныхъ законовъ. Однако, что касается человѣка, законы размноженія, законы половой жизни и въ особенности естественные законы любви и брака, находятся въ исклю-

чительномъ положеніи. Ихъ, конечно, тоже изучаютъ, но сравнительно мало и притомъ совсѣмъ особеннымъ образомъ: ограничивая результаты добытыхъ свѣдѣній тѣснымъ кругомъ специалистовъ и сохраняя за собой право молчанія передъ толпой непосвященныхъ. Но жизнь сильнѣе науки. Непосвященные упрямо ставятъ вопросы жрецамъ и, не встрѣчая ничего кромѣ высокомернаго молчанія, въ лучшемъ же случаѣ, ничего кромѣ какихъ-то полуотвѣтовъ, отвѣчаютъ на свои запросы сами себѣ, на свой рискъ и страхъ. Такое положеніе вещей очевидно ненормально; эта ненормальность въ настоящее время сознается уже самими специалистами, въ чемъ легко убѣдиться, напр., изъ слѣдующихъ словъ одного врача: „Физиологія и гігіена, — говоритъ онъ, — выработавшія основанія и даже довольно точныя нормы для правильнаго питанія человѣка, въ то же время ни однимъ словомъ не обмолвливаются о нормахъ для половой жизни, которыя, конечно, не менѣе важны, чѣмъ нормы для питанія“. Но, можетъ быть, есть вѣскія и уважительныя причины, хотя отчасти оправдывающія сдержанность людей науки и ихъ нерасположеніе бесѣдовать на подобныя темы, въ особенности бесѣдовать публично? Такія причины есть и онѣ, къ сожалѣнію, отчасти коренятся въ самой публикѣ.

Воздухъ науки, подобно воздуху горныхъ вершинъ, съ которыхъ открываются далекіе

горизонты, чистъ и прозраченъ; языкъ ея по необходимости отвлеченъ и не всѣмъ доступенъ, такъ какъ наука не всегда можетъ употреблять обыденныя и тѣмъ болѣе вульгарныя выраженія, къ которымъ нерѣдко припутываются грязь и двусмысленность; съ другой стороны наука ищетъ истину и только одну истину; она не должна и не можетъ льстить нашимъ чувствамъ, а тѣмъ болѣе предразсудкамъ и временнымъ моднымъ теченіямъ; она не можетъ прикрываться условной ложью, которой окутаны наши повседневныя отношенія, и подъ такимъ прикрытіемъ сообщать лишь частицы истины, какъ это иногда дѣлаютъ въ обыденной жизни даже лучшіе изъ насъ; ея приговоры по необходимости обнажены и подчасъ беспощадно жестоки... Она нерѣдко заноситъ руку на самыя священные завѣсы и раздираетъ ихъ надвое передъ изумленнымъ взоромъ непосвященныхъ. Все это и служитъ причиной сдержанности людей науки, не безъ основанія опасующихся, какъ бы *популяризація* знаній не превратилась въ ихъ *профанацію*. Наконецъ, и самихъ ученыхъ въ вопросахъ, подобныхъ тѣмъ, которые будутъ предметомъ настоящей бесѣды, нерѣдко останавливаетъ излишняя стыдливость, на что справедливо указываетъ Рибо, объясняя почему психологи до сихъ поръ такъ мало изучали природу любовнаго чувства ¹⁾.

¹⁾ Въ послѣднее время появляются, впрочемъ, авторы, изучающіе вопросъ не только безъ «излишней стыдливости», но и

Такъ или иначе, но повелительная сила идей и запросы самой жизни требуютъ, однако, чтобы молчаніе ученыхъ было нарушено въ столь серьезныхъ и важныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о половой жизни человѣка съ ея спутниками.

Вопросъ о любви, — въ данномъ случаѣ о половой любви, — представляетъ выдающійся теоретическій интересъ и вмѣстѣ съ тѣмъ огромное практическое значеніе. Въ *теоретическомъ отношеніи* интересъ заключается въ томъ, что любовь, какъ своеобразное чувство, отличается отъ другихъ душевныхъ движеній и аффектовъ присущимъ ей и рѣзко выраженнымъ *элементомъ влеченія*. Правда, элементъ влеченія присущъ въ извѣстной мѣрѣ и другимъ эмоціямъ; насъ влечетъ, напр., испытывать радость, но испытывать горе наврядъ ли кого влечетъ; напротивъ, испытывать любовь въ извѣстномъ возрастѣ одинаково влечетъ всѣхъ. Слѣдовательно, это чувство самымъ своимъ основаніемъ принадлежитъ не столько къ эмоціямъ, аффектамъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, каковы, напр., радость, горе, гнѣвъ, страхъ и проч., сколько къ органическимъ влеченіямъ, алканіямъ, потребностямъ, короче говоря къ инстинктамъ. Съ другой стороны это чувство болѣе чѣмъ какое-либо иное спо-

вопреки всякой стыдливости. Это авторы декадентскаго толка, готовые и въ наукѣ искать сильныхъ ощущеній. Таковъ, напр., недавно появившійся 2-мъ изданіемъ трактатъ Remy de-Gurmont'a: „Physique de l'Amour. P. 1903“.

собно осложняться другими эмоціями, увлекая ихъ за собою по закону ассоціаціи въ качества спутниковъ. Такъ мы говоримъ о цѣлыхъ „драмахъ любви“, т.-е. о такомъ проявленіи этого своеобразнаго, непохожаго ни на какое другое, чувства, при которомъ оно сопровождается столкновеніемъ цѣлой гаммы чувствъ: радостью и горемъ, гнѣвомъ и страхомъ, восхищеніемъ и разочарованіемъ, обожаніемъ и ненавистью, ревностью и мстью и т. д., что подчасъ ведетъ къ смѣшенію всѣхъ этихъ чувствъ съ самимъ чувствомъ любви, напр. даже у Спенсера, чего отнюдь нельзя допустить. Такимъ образомъ въ теоретическомъ отношеніи эта эмоція является какъ бы властнымъ двигателемъ всѣхъ остальныхъ, и одновременно соединительнымъ мостомъ между обширной группой душевныхъ движеній, аффектовъ и органическихъ влеченій, потребностей, инстинктовъ, что удваиваетъ интересъ ея изученія, тѣмъ болѣе, что наука не можетъ довольствоваться господствующими до сихъ поръ метафизическими и даже прямо беллетристическими взглядами на вопросы любви.

Въ практическомъ отношеніи огромное значеніе любви, какъ связующаго полы чувства въ нормальный бракъ и нормальную семью, едва ли нуждается въ особыхъ поясненіяхъ. Любовь вѣдь по преимуществу *дѣйственная эмоція*, роковымъ образомъ выражающаяся не просто въ органическихъ эффектахъ, какъ остальные эмоціи, полезныхъ или вредныхъ

для поддержанія жизни, а непосредственно въ органопластическомъ насажденіи самой жизни (продолженіе себя въ потомствѣ); любовь и бракъ, — каковы бы ни были формы послѣдняго, — есть та могучая наковальня, черезъ которую проходятъ и закрѣпляются всѣ органическія и психическія пріобрѣтенія и изъяны, ведущіе или къ усовершенствованію или къ вырожденію человѣка. Изучить дѣйствующія здѣсь силы съ тѣмъ, чтобы умѣть овладѣть ими и направлять къ наилучшимъ результатамъ, если не прямо, то косвенно, — одна изъ величайшихъ проблемъ науки и вмѣстѣ съ тѣмъ одна изъ самыхъ глубоко жизненныхъ задачъ современнаго разлагающагося общества, сознающаго зло, но тщетно мечущагося въ поискахъ рѣшенія „полового вопроса“ и оздоровительныхъ мѣръ по разнымъ темнымъ закоулкамъ современной мистики, декадентства и ходячихъ сужденій зауряднаго большинства.

Къ сожалѣнію, наука, въ частности психофизиологія, какъ мы сказали выше, такъ мало удѣляла и до сихъ поръ не болѣе удѣляетъ мѣста изученію явленій названнаго порядка. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно прочесть соотвѣтствующія мѣста у тѣхъ авторовъ, которые специально занимаются психофизиологіей чувствъ; такъ, напр., *Рибо* въ своемъ извѣстномъ трактатѣ «*Psychologie des sentiments*», переведенномъ и на русскій языкъ¹⁾,

¹⁾ «Психологія чувствъ». Перев. М. Гольдшмитъ. Спб. 1898.

выдѣляетъ вопросъ о «половомъ инстинктѣ» даже въ отдѣльную главу, но какъ мало въ сущности даетъ онъ читателю; еще менѣе о томъ же предметѣ можетъ почерпнуть читатель у Сержи, который говоритъ о любви лишь попутно въ своемъ трактатѣ «*Les émo-tions*», а между тѣмъ французскій переводъ его интереснаго во многихъ отношеніяхъ труда вошелъ въ серію изданій международной библиотеки по экспериментальной психологіи, издаваемой подъ редакціей д-ра Тулуза. Что же касается собственно психо-физиологии брака, какъ естественнаго учрежденія самой природы, основаннаго, если не всегда на почвѣ любви, то уже во всякомъ случаѣ на неизмѣнномъ присутствіи полового инстинкта, — названнымъ изслѣдователямъ, повидимому, и въ голову не приходитъ, что подобный предметъ вполне умѣстенъ не въ однихъ только учебникахъ по гигиенѣ...

I.

Половое общеніе, какъ актъ взаимнаго питанія.

Болѣе десяти лѣтъ тому назадъ въ моемъ первомъ трудѣ по Броунъ-Секаровскому вопросу я высказалъ мысль, въ то время мнѣ самому казавшуюся слишкомъ смѣлой, что половое общеніе не есть простой только размѣнъ чувственныхъ удовольствій между муж-

чиной и женщиной, а есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ питанія женщины половыми продуктами мужчины, независимо отъ того, будетъ или нѣтъ послѣдствіемъ этого питанія зачатіе и оплодотвореніе. Я основывался, между прочимъ, на томъ фактическомъ соображеніи, что преждевременное увяданіе осклопленныхъ женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ, обреченныхъ почему-либо на безбрачіе, молодыхъ вдовъ и т. д., зависитъ отъ того, что во всѣхъ этихъ случаяхъ женскій организмъ не получаетъ «сѣменной жидкости черезъ половое общеніе, которая, повидимому, и сама по себѣ, вслѣдствіе своей химической природы, дѣйствуетъ на женскій организмъ, какъ stimulans»¹⁾).

Но какъ ни заманчивъ казался мнѣ высказанный мною взглядъ, я не могъ удовлетвориться тѣми біологическими данными, которыя были приведены въ моей книгѣ, и желалъ узнать, какъ бы отнесся къ нему біологъ, взглянувъ на природу полового общенія съ широкой сравнительно-физиологической точки зрѣнія. Отвѣтъ на мое желаніе судьба не замедлила мнѣ послать въ лицѣ моего глубокоуважаемаго учителя по петербургскому университету проф. А. О. Брандта, въ образованіи котораго счастливо соединились

¹⁾ П. Викторовъ. Броунъ-Секаровскій способъ подкожныхъ впрыскиваній и его значеніе въ лѣченіи нервныхъ больныхъ, старческаго ослабленія и чахотки (буторчатки легкихъ). М. 1891, стр. 21—22.

обширныя біологическія познанія съ спеціально-медицинскими. Съ давнихъ поръ занимаясь сравнительнымъ изученіемъ половыхъ железъ, онъ не только съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ высказанной мною мысли въ статьѣ, написанной имъ по поводу моей книги¹⁾, но дополнилъ ее, снявъ ея односторонность. Если въ моемъ представленіи ясно возникала мысль, что половое общеніе есть актъ питанія женщины половыми продуктами мужчины, то почтенный ученый не замедлилъ добавить:—и наоборотъ—*половое общеніе есть актъ питанія мужчины половыми отдѣленіями женщины*. Такъ что, въ окончательной своей редакціи, эта мысль приняла слѣдующую форму: *половое общеніе есть актъ взаимнаго питанія половъ*.

Въ виду того, что къ той же мысли въ настоящее время подходятъ другіе авторы самостоятельнымъ путемъ,—что окончательная ея установка на твердыхъ научныхъ основаніяхъ кореннымъ образомъ мѣняетъ наши взгляды на органическое значеніе полового общенія, любви, брака въ жизни человѣка,—что она проливаетъ новый свѣтъ на происхожденіе и лѣченіе многихъ болѣзней,—что она, если и наноситъ ударъ половому аскетизму, какъ мистическому ученію, въ какой бы формѣ и въ какое бы время онъ ни про-

¹⁾ Біологическія соображенія. По поводу книги П. Викторова о Броунъ-Секаровскомъ способѣ лѣченія. Проф. А. О. Брандтъ. «Врачъ» 1893 г., №№ 35, 38.

являлся, но зато идетъ навстрѣчу возникшему въ послѣдніе годы движенію, требующему сохраненія цѣломудрія мужчинами до вступленія въ бракъ;—въ виду того, наконецъ, что эта мысль дастъ разумныя основы для воспитанія половъ въ цѣляхъ совершенствованія самой расы человѣка, столь печально пренебрегаемыхъ въ настоящее время, я считаю своевременнымъ подробнѣе развить ее здѣсь, въ связи съ новыми данными, не только передъ специалистами, но и передъ болѣе просвѣщенной частью остального общества.

Если половое общеніе есть актъ взаимнаго питанія половъ, то что это за питаніе и каковы свойства питающей жидкости прежде всего не съ специально медицинской, лѣчебной точки зрѣнія, а съ болѣе общей, біологической? На этотъ вопросъ и отвѣчаетъ главнымъ образомъ статья *Брандта*.

«Несмотря на скептицизмъ, отчасти даже иронію, съ которыми было принято первое сообщеніе знаменитаго французскаго физиолога чуть ли не большинствомъ медицинской публики,—дѣлаетъ онъ вступительное замѣчаніе, къ сожалѣнію, не утратившее своей силы до сихъ поръ,—руководившая имъ основная мысль была и есть теперь въ полномъ согласіи съ современными сравнительно-біологическими представленіями».

Какія же это сравнительно-біологическія представленія, согласующіяся съ основною мыслью Броунъ-Секаровскаго открытія?

Это современные воззрѣнія на оплодотвореніе и роль сѣмени.

Какъ извѣстно, простѣйшія животныя и растенія, все тѣло, весь организмъ которыхъ состоитъ изъ одной клѣтки, размножаются обыкновенно дѣленіемъ. Однако по временамъ эти одноклѣточные организмы сходятся по два, или плотно прилегая другъ къ другу (рѣдкіе случаи-грегарины), или сливаясь частично, отдѣльными мѣстами (наливочныя—ртами), или сливаясь совсѣмъ въ одну особь.

Въ случаяхъ такихъ соединеній и сліяній является обмѣнъ и смѣшиваніе порознь протоплазмы съ протоплазмой и ядра съ ядромъ сочетавшихся особей. Это собственно и соотвѣтствуетъ моменту полового соединенія у высшихъ организмовъ, вслѣдъ зачѣмъ наступаетъ *ускоренное размноженіе* безполымъ способомъ, т.-е. снова дѣленіемъ участвовавшихъ въ немъ особей и ихъ потомковъ на болѣе или менѣе продолжительное время, пока не настанетъ моментъ новыхъ половыхъ общеній и т. д. Отсюда ясно, что и оплодотвореніе имѣетъ значеніе подобное освѣженію крови въ скотоводствѣ, признающемъ пагубность продолжительнаго размноженія семьи или породы въ самой себѣ. «Теоретически это сводится къ представленію зачатковой или зародышевой плазмы (Вейсманъ), запасъ которой или энергія, истощаясь, требуетъ подновленія».

Сложныя, многоклѣточные животныя и растенія разсматриваются, какъ собраніе без-

численнаго множества простѣйшихъ одноклѣточныхъ организмовъ. Однако эти одноклѣточные организмы, изъ колоніи которыхъ состоятъ организмы высшихъ животныхъ и растений, специализировались здѣсь, обособились и по формѣ (морфологически) и по химическому составу, и по отправленіямъ, на основаніи начала фізіологическаго раздѣленія труда. Изъ нихъ половыя клѣтки наименѣе уклонились отъ первоначальнаго типа, наименѣе дифференцировались и обособились. Онѣ сохранили свой первоначальный характеръ и въ одинаковой степени обладаютъ основными отправленіями организма въ его цѣломъ: питаніемъ, размноженіемъ, движеніемъ и ощущеніемъ. Подобно простѣйшимъ, онѣ продолжаютъ размножаться въ своемъ органѣ, не дифференцируясь, безполымъ путемъ. Но вотъ наступаетъ моментъ полового общенія у высшихъ организмовъ и ихъ половыя клѣтки, обыкновенно изъ множества только двѣ—мужская половая клѣточка (живчикъ) или сѣменная нить и женская яйцевая клѣточка—сливаются подобно простѣйшимъ одноклѣточнымъ организмамъ, т.-е. протоплазма (хвостикъ) живчика съ протоплазмой (желткомъ) яйца, а ядро (головка) живчика съ ядромъ (зародышевымъ пузырькомъ) яйца.

Замѣчу, что на самомъ дѣлѣ картина слиянія мужской половой клѣтки съ женской гораздо сложнѣе, но она показана здѣсь схематически,

т.-е. въ сокращенномъ видѣ, ради простоты и ясности.

Это моментъ оплодотворенія или зачатія, который если не совершенно тождественъ, то вполне сходственъ съ моментомъ полового размноженія простѣйшихъ (protozoa). Послѣдствіемъ полового соединенія (оплодотворенія) клѣточекъ у высшихъ животныхъ, въ томъ числѣ и у человѣка, является ихъ усиленное размноженіе безполымъ путемъ, т.-е. опять-таки дѣленіемъ (зародышевое развитіе), какъ у низшихъ,—однако съ тою разницею, что чѣмъ выше мѣсто занимаетъ животное на зоологической лѣстницѣ, тѣмъ больше потомки соединившихся клѣточекъ (яйцевой и живчика) расходятся между собой и чѣмъ дальше протекло времени съ момента зачатія, тѣмъ значительнѣе они уклоняются отъ типа, обособляясь, дифференцируясь въ спеціальныя сочетанія, изъ которыхъ состоятъ отдѣльные органы и ткани высшихъ организмовъ. Исключеніе составляютъ опять-таки половыя клѣтки. Возникая изъ одного и того же источника, изъ одной и той же материнской почвы, первоначально безразличныхъ, а потомъ яйцеподобныхъ зародышевыхъ клѣтокъ, онѣ мало расходятся между собою и, хотя мужская половая клѣтка (живчикъ) ясно отличается отъ женской (яйцевой) по формѣ, но все же онѣ родственны своимъ одноклѣточнымъ амебообразнымъ предкамъ и между ними не существуетъ антагонизма, какъ представляли преж-

де. Передаваясь традиціонно и послѣдовательно отъ поколѣнія къ поколѣнію, онѣ какъ бы факультативно несутъ въ себѣ изъ рода въ родъ основныя свойства будущихъ организмовъ, тогда какъ обособившіяся и специализировавшіяся тѣлесныя (соматическія) клѣтки составляютъ подобіе надстройки, родъ побочнаго продукта, добавленія, т.-е. «нѣчто второстепенное въ смыслѣ преемственности жизни, имѣющее лишь чисто личное и только въ этомъ смыслѣ высокое значеніе», какъ весьма удачно выражается проф. Брандтъ.

Однако ограничивается ли оплодотвореніе одной только морфологической стороною, т.-е. тѣмъ, что двѣ либо одинаковыя, либо отличающіяся болѣе или менѣе по формѣ клѣтки сливаются въ одно цѣлое? Все говоритъ за то, что въ оплодотвореніе привходитъ еще какое-то возбуждающее, бродильное физиолого-химическое начало. Въ самомъ дѣлѣ, при такъ называемомъ дѣвственномъ зарожденіи (партеногенезѣ) у насѣкомыхъ новое существо успѣшно развивается изъ неоплодотвореннаго яйца. Правда, при этомъ у иныхъ животныхъ получается потомство лишь опредѣленнаго мужского или женскаго пола или же недоразвитыя особи (травяныя вши и др.). Тѣмъ не менѣе ихъ зародышевое развитіе такъ или иначе завершилось безъ оплодотворенія. «Прибавляю къ этому еще тотъ фактъ,—замѣчаетъ профессоръ Брандтъ,—что частичнымъ партеногенезомъ, т.-е. способ-

ностью проходить безъ оплодотворенія первоначальныя ступени зародышеваго развитія (сегментация) обладаютъ даже и теплокровныя животныя». Значитъ, у низшихъ животныхъ возможно зачатіе и рожденіе безъ участія мужского элемента. Отсюда одинъ шагъ до вывода, который напрашивается самъ собой: *мужской элементъ служитъ питанію при оплодотвореніи не своей массой, а тѣмъ ферментомъ-возбудителемъ, который онъ заключаетъ въ своемъ химическомъ составѣ.*

Это видно изъ слѣдующихъ соображеній. Ядра одноклѣточныхъ организмовъ, а тѣмъ болѣе живчикъ организмовъ многоклѣточныхъ, крайне малы въ сравненіи съ оплодотворяемымъ имъ существомъ (наливочнымъ, яйцевой клѣточкой). А между тѣмъ ихъ возбуждающаго вліянія «хватаетъ на громаднѣйшее число поколѣній клѣточекъ, на сотни тысячъ милліардовъ послѣднихъ, образующихъ взрослое человѣческое тѣло». Въ самомъ дѣлѣ, мы легко, наглядно убѣждаемся въ томъ, что головка живчика, сливаясь съ яйцевымъ ядромъ, побуждаетъ его къ усиленнымъ амёбиднымъ движеніямъ, образованію бороздъ, шарообразованію и дѣленію; насъ не удивляетъ такъ же, если такое возбужденіе, вызванное живчикомъ, передается отъ одного поколѣнія шароборозженія къ другому вплоть до образованія цѣлой кучки зародышевыхъ клѣтокъ. «Но насъ рѣшительно поражаетъ передача такого возбужденія на цѣлый взрос-

лый организм. Одинъ «отцовскій носъ» или ротъ,—какъ наглядно выражается профессоръ Брандтъ,—въ несчетное число разъ превосходить отцовскій живчикъ, давший жизнь и сыну. Между тѣмъ физическіе признаки отца какъ бы факультативно вложены въ живчикъ». Старые ученые воображали, что живчикъ-то и есть будущій организмъ. Сообразно съ этимъ его изображали съ боковыми отростками въ видѣ ножекъ, а на головкѣ намѣчали глаза, носъ и ротъ. Имъ неизвѣстно было существованіе женскаго элемента яйцевой клѣтки, и самую эволюцію они понимали въ буквальномъ смыслѣ, т.-е. какъ развитіе или развертываніе заранѣе готового существа. Но какъ не наивно было такое толкованіе, оно наталкиваетъ насъ на сходное сужденіе и теперь. Если мы не признаемъ развертыванія живчика во взрослое существо, то мы склонны допустить, что развертывается скрытое въ немъ бродильное, возбуждающее начало, дѣйствуя каталитически, т.-е. перенося малѣйшихъ его количествъ отъ однихъ элементовъ къ слѣдующимъ, съ элементовъ яйцевой клѣтки на сотни тысячъ миллиардовъ ея потомковъ. Такова гипотеза Пеля, выдѣлившаго изъ половыхъ железъ и сѣменной жидкости опредѣленное химическое вещество, названное имъ сперминомъ, если только присутствіе спермина въ сѣменныхъ нитяхъ (живчикахъ) можетъ быть доказано микрохимическими реакціями. Мы могли бы допустить

вмѣстѣ съ Пелемъ, что сперминъ, обладая каталитическими свойствами, является носителемъ возбуждающаго и укрѣпляющаго начала въ явленіяхъ развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ причиной неустаннаго въ теченіе всей жизни обновленія организма. «Однако, будучи опредѣленнымъ, одинаковымъ для всѣхъ недѣлимыхъ, химическимъ соединеніемъ, онъ не можетъ,—справедливо сомнѣвается профессоръ Брандтъ,—самъ по себѣ дать ключъ къ объясненію образовательныхъ явленій въ частности, каково унаслѣдованіе отцовскихъ признаковъ». Поэтому было бы слишкомъ исключительнымъ приурочивать дѣйствующее начало яичковой жидкости къ одному спермину¹⁾, съ чѣмъ, повидимому, согласенъ въ своихъ новѣйшихъ статьяхъ и самъ проф. Пель. Теорія Вейсмана о постоянно нарастающей зародышевой плазмѣ даетъ въ этомъ отношеніи больше, нежели теорія спермина, такъ какъ нарастаніе и химическое ея дѣйствіе обладаетъ тоже каталитическими свойствами. Тѣмъ не менѣе «общая картина (теоретическихъ) возрѣвѣній на оплодотвореніе, развитіе и обновленіе организма располагаетъ въ пользу ученія о благотворномъ дѣйствіи пѣлесообразно приготовленной яичковой жидкости, и притомъ даже въ *сравнительно* малыхъ количествахъ» заключаетъ проф. Брандтъ.

¹⁾ На основаніи нѣкоторыхъ новыхъ работъ можно думать, что сперминъ не что иное, какъ продуктъ распада, вызваннаго химической обработкой тканей при его полученіи.

Съ другой стороны, мы въ настоящее время все болѣе и болѣе сживаемся съ представленіемъ, что организмъ не только анатомически, но и физиологически представляетъ собою нѣчто цѣлостное, въ которомъ одни части и отправленія вполне приспособлены къ другимъ и не могутъ другъ безъ друга обходиться. Въ этомъ отношеніи даже такіе *зачаточные органы*, какъ щитовидная и вилочковая железы, состоятъ во взаимодействіи съ остальными органами, нарушение которыхъ сопровождается извѣстными расстройствами, тѣмъ болѣе мы должны допустить воздѣйствіе сѣмывыдѣляющихъ железъ на остальной организмъ.

Составныя части сѣмени всасываются въ кровь изъ яичекъ и сѣменныхъ пузырьковъ и отсюда распространяются по всѣмъ органамъ тѣла, усиливая окислительные процессы и обмѣнъ и оживляя самыя ткани.

Того бродильнаго начала, которое заложено въ родоначальной яйцевой клѣткѣ, и которое усиливается оплодотворившимъ живчикомъ, совершенно достаточно на образовательные процессы и ростъ въ дѣтствѣ и отрочествѣ. Достиженіе же мужскимъ организмомъ полнаго развитія, включая и вторичные половые признаки, требуетъ уже новаго толчка, новыхъ возбуждителей. Послѣдніе въ этотъ періодъ исходятъ уже отъ начинающихъ наполняться сѣменныхъ пузырьковъ, ибо удаленіе ихъ ранѣе полового созрѣванія, какъ это подтверждается и кастраціей, препятствуетъ

постройкѣ гортани, въ періодъ юношескаго перелома голоса, задерживаетъ ростъ усовъ и бороды, мѣшаетъ появленію роговъ у оленей и т. д. Отъ функціональнаго напряженія половыхъ железъ и степени наполненія сѣменныхъ пузырьковъ зависитъ количество всасываемыхъ и пускаемыхъ въ оборотъ кровянымъ токомъ жидкихъ составныхъ частей сѣмени, способныхъ къ диффузіи. Ослабляющее вліяніе на организмъ сѣмяистеченія, рукоблудія, чрезмѣрныхъ поллюцій, преждевременной половой жизни въ незрѣломъ возрастѣ невольно приводитъ насъ къ такому предположенію. Наконецъ, къ этому же предположенію приводитъ насъ фактъ несомнѣнно благотворнаго вліянія Броунъ-Секаровскихъ впрыскиваній на стариковъ. Правда, живчики найдены и у старыхъ богадѣленцевъ, но въ старческомъ возрастѣ способность всасыванія (диффузія) изъ сѣмывыдѣлительной системы очевидно не та, что у молодыхъ, да и качества живчиковъ несомнѣнно измѣнены, такъ что даже и тѣхъ малыхъ количествъ бродила, которыя необходимы для жизнедѣятельности организма, половая система стариковъ не въ состояніи вводить въ кровь собственными силами.

Однако все вышеизложенное о роли составныхъ частей сѣмени для благоденствія организма натывается на весьма существенное возраженіе. Если сѣмя дѣйствительно оказываетъ такое вліяніе на организмъ, ко-

торый его производить, то сбереженіе его во всѣхъ случаяхъ должно бы было быть полезнымъ. Между тѣмъ нормальное половое общеніе, какъ извѣстно, является важнымъ условіемъ полнаго здоровья мужчины. Мало того, половой актъ тѣмъ болѣе поднимаетъ силы организма,—по истеченіи извѣстнаго времени, конечно, потребнаго для отдыха,—чѣмъ онъ былъ полнѣе.

«Обнаруживающееся при этомъ противорѣчіе съ предыдущимъ побуждаетъ меня,—говоритъ проф. Брандтъ,—представить вниманію врачей-практиковъ и экспериментаторовъ мысль, которую не трудно провѣрить или опровергнуть. Я думаю, что при нормальномъ соитіи мужское недѣлимое могло бы вознаграждать свои потери выдѣленіемъ, получаемымъ отъ женскаго».

Свои соображенія о возбуждающемъ вліяніи женскихъ выдѣленій на мужчину проф. Брандтъ подкрѣпляетъ данными, заимствованными изъ сравнительной біологіи, физиологическаго механизма полового общенія у самого челоѣка¹⁾ и практики Броунъ-Секаровскаго метода. Самки животныхъ въ сезонъ любви издалика привлекаютъ самцовъ, очевидно, благодаря возбуждающему вліянію ихъ половыхъ выдѣленій (течка) на обоняніе (чутье) первыхъ. Описанъ случай, когда бабочка-самка, вылупившаяся въ ксменатѣ, привлекла къ окну самцовъ, какихъ до того времени никто не видалъ въ данной мѣстности. Проф. Вилленевъ, впрыскивая яичниковую эмульсію отъ морской свинки мужчинѣ, получилъ увеличеніе динамометрической силы на рукѣ и аппетита²⁾.

¹⁾ См. цитированныя выше статьи Брандта „Біологическія соображенія“ („Врачъ“ 1893 г., №№ 35, 38), а также „Ученіе о личности“ *выпускъ второй*, стр. 166—167.

²⁾ По мнѣнію самого Броунъ-Секара, высказанному имъ еще въ 1889 г., яичниковая жидкость должна такъ же дѣйствовать на женщинъ, какъ яичковая на мужчинъ. Но яичниковая жидкость дѣйствуетъ слабѣе, потому надо отдавать предпочтеніе тестискулярной жидкости какъ у мужчины, такъ и у женщины. По во-

Развивъ такимъ образомъ мысль о половомъ общеніи, какъ актѣ взаимнаго питанія изъ ея первоначальной формы въ пѣлюю систему, проф. Брандтъ высказываетъ далѣе теоретическій взглядъ на сравнительное сходство по своей химической природѣ мужскихъ и женскихъ продуктовъ, взглядъ уже и тогда находившій подтвержденіе въ практикѣ Броунъ-Секаровскаго способа. Согласно этому взгляду вещества, которыми обмѣниваются мужская и женская особь, побуждаемая половымъ голодомъ, могутъ быть «между собою сходны, но не тождественны: иначе каждый изъ нихъ могъ бы оставаться при томъ, что у него есть, и воздержаніе составляло бы физиологическую норму, въ особенности для мужчины. Однако нельзя предполагать принципиальнаго, фундаментальнаго различія между выдѣленіями, обмѣниваемыми полами; и это уже потому, что мужская особь есть лишь дальнѣйшее развитіе женской, а у простѣйшихъ животныхъ и гермафродитовъ происходитъ половое соединеніе двухъ въ половомъ отношеніи одинаковыхъ особей».

Признаніе сходственности половыхъ выдѣленій мужской и женской особи весьма важно въ томъ отношеніи, что оно сглаживаетъ противоположности между половыми и сома-

просу о разницѣ въ свойствахъ обѣихъ жидкостей въ непродолжительномъ времени должно появиться весьма интересное сообщеніе нашего глубокоуважаемаго товарища Д. И. Успенскаго, которое мы ждемъ съ понятнымъ нетерпѣніемъ.

тическими клѣточками въ томъ смыслѣ, что и соматическія клѣточки требуютъ освѣженія со стороны другого недѣлимаго. Противоположность все-таки остается. Это прекрасно подтверждается тѣмъ, что только у немногихъ гермафродитныхъ животныхъ наблюдается самооплодотвореніе, при всякомъ же удобномъ случаѣ оно замѣняется у нихъ перекрестнымъ. Что половой актъ есть актъ питательнаго размѣна между полами, это не опровергается и фактами внѣшняго полового общенія и оплодотвореніемъ половыхъ продуктовъ безъ соприкосновенія особей (рыбы и сидячія животныя, каковы асидіи, полипы), такъ какъ размѣнъ половыхъ выдѣленій у низшихъ животныхъ вполнѣ допустимъ и черезъ воду.

Обращаясь къ высказанной мною мысли въ ея первоначальной редакціи, т.-е. что половой актъ есть актъ питанія женщины сѣменной жидкостью мужчины, проф. Брандтъ согласенъ признать извѣстную доказательную силу за примѣрами, приведенными мною въ моей книгѣ: отличіе увядающей дѣвственницы, отъ вышедшей замужъ, скопческихъ женщинъ отъ женщинъ, живущихъ нормальной половой жизнью и пр. Съ своей стороны онъ указываетъ на чрезвычайно любопытные случаи, отмѣченные еще Дарвиномъ, наслѣдственной передачи приплоду признаковъ не отца, а прежняго мужа матери. Этотъ видъ наслѣдственности «черезъ вліяніе» находитъ

теперь совершенно новое объясненіе. Мы допускаемъ, такъ сказать, *физиологическое зараженіе*, можетъ быть только яичниковъ, а можетъ быть и всего организма женщины половыми выдѣленіями (ферментами) ея прежняго избранника.

Въ заключеніе проф. Брандтъ высказываетъ опасеніе, какъ бы только что возникавшая тогда органотерапія въ широкомъ смыслѣ, — основной принципъ которой «какъ железистыя, такъ и нежелезистыя ткани сообщаютъ крови, помимо своей прямой функціи, нѣчто полезное для организма» данъ тѣмъ же Брунъ-Секаромъ—не отняла у яичковыхъ впрыскиваний ихъ привилегированнаго, универсальнаго характера. Опасеніе не основательное, потому что, какъ справедливо заканчиваетъ свою статью талантливый ученый, «половыя клѣточки ближе остальныхъ, соматическихъ стоятъ къ зародышевымъ, безразличнымъ. Имѣя сродство со всѣми и будучи одарены предпочтительно передъ всѣми способностью размноженія, онѣ своими внутренними выдѣленіями могутъ оказывать на всѣ остальные возбуждающее, побуждающее къ размноженію вліяніе (особенно на бѣлыя тѣльца, стояція близко къ зародышевымъ). Такимъ образомъ законная доля специфичности дѣйствія половыхъ отдѣленій на организмъ, ихъ выдѣляющій, и на организмъ ихъ получающій—нормально-физиологическимъ или терапевтическими путями—отнюдь не исключается».

Я боюсь утомить вниманіе дальнѣйшимъ приведеніемъ сравнительно - біологическихъ данныхъ, говорящихъ въ пользу защищаемаго нами взгляда, но на нѣкоторыхъ изъ нихъ стоитъ остановиться ради ихъ особенно наглядной доказательности, тѣмъ болѣе, что они не вошли въ «Біологическія соображенія» профессора Брандта. Таковы интересные опыты Мопа¹⁾.

Суть опытовъ Мопа состоитъ въ слѣдующемъ. Инфузоріи, какъ мы уже видѣли, размножаются половымъ и безполымъ способами. Моментъ полового общенія наливочныхъ Мопа охарактеризовалъ названіемъ *кариогамическое помолодѣніе* (*rajeunissement karyogamique*), потому что послѣ него онѣ начинаютъ усиленно размножаться дѣленіемъ. Взявъ одну особь вида *Stylonchia pustulata*, помолодѣвшую отъ полового общенія, онъ могъ вслѣдъ затѣмъ прослѣдить ея размноженіе дѣленіемъ до 316 безбрачнаго поколѣнія. Вначалѣ потомки этой инфузоріи отличаются выдающейся жизнѣдѣтельностью, но, начиная съ 130 поколѣнія, если воспрепятствовать ихъ половому сближенію, склонность къ которому у нихъ въ это время обнаруживается, энергія и живость ихъ движеній ослабляется, уменьшается и самая склонность къ половому общенію. Начиная съ 230 поко-

лѣнія они утрачиваютъ и самую способность полового общенія, если и не препятствовать ему, а при 316 поколѣніи исчезаетъ способность къ размноженію и самимъ дѣленіемъ, такъ что особи имѣютъ видъ бесплодныхъ недоносковъ. Однимъ словомъ, получается картина полного старческаго вырожденія и гибели расы отъ немощи и бесплодія. Напротивъ, картина мѣняется, если во-время возстановить возможность полового общенія. Ясно, что половое общеніе въ данномъ случаѣ есть коренное условіе не только обновленія, но и безсмертія производительной протоплазмы, а, слѣдовательно, и самой расы. Но не то ли же самое и у человѣка, у котораго, какъ мы видѣли, сущность полового общенія сводится къ возможности сближенія его половыхъ клѣтокъ, мужской и женской; это сближеніе не только *молодитъ* безчисленное потомство самихъ половыхъ клѣтокъ, размножающихся затѣмъ дѣленіемъ и своимъ разрастаніемъ образующихъ тѣло плода, но органически освѣжаетъ и самихъ носителей половыхъ клѣтокъ, т.-е. брачующуюся пару. *Очевидно въ данномъ случаѣ какъ бы вскрывается самой природой всеобщій біологическій законъ, по которому половое общеніе есть актъ взаимнаго питанія.* Аналогія между питаніемъ и половымъ общеніемъ тѣмъ болѣе поразительна, что одинаковаго результата въ опытахъ Мопа съ помолодѣніемъ инфузорій можно достигнуть простымъ подбавленіемъ питательнаго бульона къ омы-

¹⁾ E. Maupas. Le rajeunissement karyogamique chez les ciliés. Archives de Zoologie expérimentale et générale. 2-me serie. Vol. VII.

вающей ихъ средѣ, какъ это показали недавнія опыты Calkins'a (1902). Очевидно, у низшихъ половой и питательный обмѣнъ еще недостаточно обособились и почти не отличаются специфическими свойствами ¹⁾.

Къ защищаемому нами взгляду на половое общеніе, какъ актъ питанія, начинаютъ подходить и другіе авторы въ настоящее время.

Въ подтвержденіе достаточно указать на интересную работу д-ра Ж. Ру «Психологія полового влеченія», переведенную и на русскій языкъ. Она предназначена для большой публики. Но основанія ея тѣ же, что и у насъ — сравнительно-біологическія данныя. Кромѣ того, онъ расширяетъ вопросъ и рассматриваетъ природу полового общенія съ привхожденіемъ субъективныхъ, психологическихъ элементовъ. Другими словами, онъ рассматриваетъ вопросъ не съ одной только органической, а съ психо-физиологической точки зрѣнія. Такъ же, какъ и мы, онъ смотритъ на половое влеченіе, какъ на своего рода голодъ или жажду *всего организма*, связанную

¹⁾ У нѣкоторыхъ видовъ амфибій самцы выбрасываютъ сѣменную жидкость въ воду ранѣе, нежели яйца у самки выйдутъ наружу; самка вбираетъ сѣменную жидкость въ свое дѣтородное отверстіе вмѣстѣ съ водой. Этотъ видъ полового общенія безъ соприкосновенія половъ едва ли можетъ быть подведенъ подъ схему полового взаимообмѣна веществъ. Приходится предположить, что въ данномъ случаѣ мужская особь остается при дѣйствіи на самое себя внутренней секреціи половыхъ железъ, усиливающейся въ періодъ оплодотворенія.

съ недостатчей въ немъ химическаго состава, а не какъ только на одно периферическое раздраженіе, зависящее отъ переполненія половыхъ органовъ специфическими продуктами, ищущими освободиться. Въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ весьма важное различіе. Онъ отличаетъ *половой голодъ* отъ *полового аппетита*, какъ общую потребность всего организма отъ *мѣстной потребности* половыхъ органовъ, помогающихъ функционированію, — при чемъ только половой голодъ рождаетъ любовь, какъ скрытое стремленіе продолжать родъ съ *избраннымъ субъектомъ*, половой же аппетитъ есть, такъ сказать, будничное проявленіе полового влеченія и его удовлетворенія съ кѣмъ бы то ни было. Половой аппетитъ заслоняетъ собой половой голодъ и потому изъ-за перваго мы не различаемъ второго.

Въ результатѣ и Ру, подобно намъ, приходитъ къ заключенію, что *половая потребность есть лишь одинъ изъ видовъ питательной потребности*. Этимъ устанавливается древнѣе родство актовъ размноженія съ актами питанія и у самого человѣка ¹⁾.

¹⁾ Работа Ру „Psychologie de l'Instinct sexuel“, подробнѣе изложенная нами во *второмъ выпускѣ* „Ученія о личности“ (стр. 170—173), на французскомъ языкѣ появилась въ 1899 г. На нее ссылается между прочимъ Havelock Ellis въ своемъ интересномъ трудѣ „Das Geschlechtsgefühl“ (нѣмек. переводъ 1903). Она встрѣтила возраженіе со стороны біологовъ, интересное въ томъ отношеніи, что сходное возраженіе можетъ быть высказано и противъ защищаемого нами взгляда. Такъ рецензентъ „L'Année biologique“ Л. Марилле замѣчаетъ: „Существенная идея книги, это — уподобле-

Къ сожалѣнію, Ру не воспользовался результатами плодотворнаго Броунъ-Секаровскаго открытія и потому его представленіе о половомъ питаніи осталось незаконченнымъ. По крайней мѣрѣ, онъ ничего не говоритъ о взаимномъ характерѣ полового питанія. Вслѣдствіе этого, онъ если и правильно различаетъ половой голодъ отъ полового аппетита, какъ общую потребность организма отъ мѣстной, то недостаточно обосновываетъ собственное положеніе «половой голодъ рождаетъ любовь». Не всякій половой голодъ и не во всякое время создаетъ любовь: кастрированные по хирургическимъ поводамъ субъекты, въ приводимыхъ имъ примѣрахъ, сохраняютъ еще способность полового желанія, но развѣ это желаніе можно назвать любовью? Очевидно, нужно ввести еще какіе-то элементы и опре-

ніе половой потребности общей потребности организма. Отчасти это вѣрная мысль, поскольку развитіе половыхъ железъ идетъ рука объ руку съ измѣненіями во всемъ организмѣ, отзывающимися въ общемъ самочувствіи; но доказательства, на которыхъ покоится тезисъ, очевидно слабы и не могутъ установить, что половое чувство не находится въ зависимости отъ ощущеній половыхъ органовъ (*sensations génitales*). Станнымъ кажется говорить о *старѣніи* (*sénescence*) анатомическихъ элементовъ у ребенка 13—14 лѣтъ, развитіе котораго далеко не закончено* (5-ме Année 1899—1900, р. 562). И тѣмъ не менѣе въ этомъ нѣтъ ничего страннаго, если принять во вниманіе, что рѣчь идетъ не объ анатомическомъ, а скорѣе о *био-химическомъ старѣніи элементовъ*, если можно такъ выразиться, за которымъ слѣдуетъ на извѣстномъ разстояніи уже анатомическое старѣніе тканей, какъ это и подтверждается въ иныхъ случаяхъ появленіемъ артеріосклероза, старческихъ морщинъ и проч. у увядающихъ дѣвственницъ и дѣвственниковъ въ какихъ-нибудь 25—30 лѣтъ. Только въ этомъ смыслѣ *половую потребность* и можно уподоблять *потребности органическаго омолаживанія*, что дѣйствительно можетъ казаться страннымъ, только не біологу...

дѣлать значеніе ихъ, чтобы общее половое желаніе, половой голодъ можно было назвать любовью.

II.

Любовь, какъ потребность органическаго обновленія и ея значеніе для каждаго возраста.

Внимательное изученіе возрастовъ, когда любовь не только можетъ, но должна проявляться, и сезонныхъ періодовъ, благопріятствующихъ ея проявленію, помогаетъ намъ освѣтить эту сторону вопроса. Весна считается признаннымъ сезономъ любви не только у животныхъ, но и у человѣка, и не только на первобытныхъ ступеняхъ культуры, но и на позднѣйшихъ. Точно такъ же юность считается возрастомъ любви по преимуществу. На какихъ органическихъ моментахъ основаны эти совпаденія?

Зима есть время вообще ослабленія жизненныхъ процессовъ въ организмѣ не у однихъ животныхъ, и потому организмъ, по истеченіи зимы, нуждается въ особомъ приливѣ жизненной энергіи. Онъ безъ сомнѣнія широко черпаетъ эту энергію во внѣшнихъ, физическихъ факторахъ оживающей природы—свѣтъ и тепло, воздухъ и проч.—но, повидимому, дѣйствія этихъ факторовъ, самихъ по себѣ, еще недостаточно. Тогда организмъ инстинктивно

обращается за пополненіемъ недостающей энергіи къ внутренней біологической средѣ и охотно заимствуетъ ее изъ интенсивнаго полового обмѣна подлѣ формою любви.

Когда-то могучій сезонный ритмъ любви выражался въ шумныхъ оргіастическихъ празднествахъ въ честь Адониса и Венеры, въ честь *libertas maja*, какъ было у романскихъ народовъ, или въ честь бога Ярилы, какъ было у славянъ. Съ развитіемъ культуры и средствъ, которыя представляетъ цивилизація человѣку въ его стремленіи освободиться отъ принудительныхъ вліяній природы, сезонный характеръ половой любви все болѣе и болѣе сглаживается. Половая любовь прирученныхъ и домашнихъ животныхъ еще сохраняетъ свой сезонный характеръ, хотя далеко не вездѣ, но половая любовь современнаго культурнаго человѣка уже почти не знаетъ сезона и самъ человѣкъ, подобно морскимъ свинкамъ, живущимъ въ теплѣ, готовъ размножаться ежедневно.

Однако и теперь культурные люди, не смотря на эмансипацію отъ естественныхъ условій, если посѣтитъ ихъ сердце священное чувство любви, со всѣмъ блескомъ ея поэтической атмосферы, окружающей органическое ядро, невольно бѣгутъ отъ каменныхъ громадъ душныхъ и тѣсныхъ городовъ на лоно весны и природы. Тамъ, забывъ о докучныхъ дѣлахъ, незамѣтно для самихъ себя, соединяются они въ любовныя пары. Рука

объ руку бродятъ эти пары средѣ душистаго простора полей и луговъ, ищутъ холодѣющей тѣни лѣсовъ, чтобы, замедляя походку, не разъ остановиться и посмотрѣть другъ другу въ глаза, пристѣсть, обмѣняться пожатіемъ рукъ. Взираются на кручи береговъ и долго и безмолвно смотрятъ, какъ бѣжитъ извилистая рѣчка или какъ стелется подлѣ ногами и искрится радугой цвѣтовъ величавое море, уходящее въ безконечную даль. Въ эти мгновенья влюбленныхъ охватываетъ иногда невольная грусть и они готовы сожалѣть, что и чувства ихъ уходятъ куда-то за тѣмъ, чтобы никогда не возвратиться. Встрепенувшись, возвращаются подлѣ кровъ, и вновь выходятъ, когда уже день смѣнился ночью и небо сквозь темно-голубую дымку мерцаетъ міриадами алмазныхъ огней. Тогда любящіеся невольно соединяются подлѣ однимъ плащомъ и украдкой срывають взаимные поцѣлуи, боясь какъ бы злой духъ какой не примѣтилъ ихъ. Теперь и ихъ глаза свѣтятся, какъ звѣзды, а лица горятъ, какъ огни. Неумолимая богиня, какъ магическимъ кольцомъ сковываетъ своихъ избранниковъ сладкими муками и факель любви, едва зажженный, разгорается въ неудержимое пламя.

Что любовь обостряется весной, этому мы находимъ подтвержденіе и въ болѣе точныхъ наблюденіяхъ, о которыхъ будемъ говорить въ послѣдствіи.

Съ другой стороны, почему юность счи-

тается возрастомъ любви? Въ этотъ періодъ организмъ завершаетъ свое половое развитіе, далеко не закончивъ, однако, своего физическаго и въ особенности умственнаго развитія; кромѣ того, онъ готовится вступить въ зрѣлую пору жизни, ту пору, когда отъ него потребуется усиленная дѣятельность и особенное расходованіе жизненной энергіи. До сихъ поръ онъ черпалъ эту энергію въ процессахъ роста и органическаго уподобленія, которое, согласно нашей теоріи, зависитъ отъ внесенія въ кровь половыхъ ферментовъ; самые же ферменты онъ почерпалъ въ развитіи собственныхъ половыхъ железъ-яичниковъ и яичекъ — въ связи съ сѣмявыдѣлительной системой, къ этому времени начинающей функционировать у юношей, что доказывается произвольными потерями сѣмени, поллюціями, которыя вначалѣ не болѣе, какъ физиологическое явленіе и которыхъ юноши боятся по неопытности (а такъ же, къ сожалѣнію, вслѣдствіе не всегда правильнаго взгляда самихъ врачей), подобно тому, какъ дѣвицы, по той же неопытности, боятся первыхъ регуль. Въ настоящее время мы имѣемъ основаніе даже думать, что и поллюціи, и регулы есть родъ предохранительнаго клапана, посредствомъ котораго организмъ освобождается отъ избытка и перенасыщенія собственнымъ сперминомъ. Произвольныя потери сѣмени тѣмъ не менѣе даютъ знать о себѣ; въ худшемъ случаѣ онѣ ассоціируются съ рукоблуд-

діемъ, не только вслѣдствіе дурнаго примѣра, но, что гораздо хуже, какъ бы самопроизвольно или же становятся ненормально частыми и ведутъ къ болѣзненному разслабленію сѣмявыдѣлительной системы (сѣмяистеченіе) въ особенности у юношей нервныхъ и ряздражительныхъ, а также у юношей, окруженныхъ общественной средой, насыщенной тѣми безнравственными внушеніями, которыя, благодаря уличной жизни и порнографическому искусству, разливаются повсюду въ Европѣ. Но и въ лучшемъ случаѣ наступаетъ періодъ, когда такъ или иначе начинается трата половыхъ ферментовъ и заключенной въ нихъ скрытой энергіи; когда же произвольныя потери сѣмени сравнительно затихаютъ, что бываетъ года черезъ два послѣ ихъ появленія и безъ нарушеній дѣвственности, въ особенности при отвлеченіи въ сторону физическаго и умственнаго труда, организмъ, который до сихъ поръ дѣйствовалъ на самого себя собственными ферментами, подобно гермафродиту, становится къ нимъ мало воспримчивъ, приобретаетъ своего рода иммунитетъ; сходственныя явленія, но только въ болѣе пассивной формѣ, происходятъ въ организмѣ дѣвушекъ. Очевидно, настаетъ пора размѣна жизненными ферментами съ существомъ другого пола, не слишкомъ тождественными и не слишкомъ различными по своей природѣ. Это періодъ истиннаго полового голода, который, достигая извѣстной на-

пряженности, толкаетъ юношу къ дѣвушкамъ подѣ формой любви только въ такомъ случаѣ, если юноша не истощенъ преждевременной половой жизнью, при чемъ любовь, какъ своеобразное ощущение, какъ чувство, какъ особенное психо-физиологическое притяженіе, играетъ тутъ роль избирательнаго сродства, индивидуальныя особенности котораго такъ же безконечно разнообразны, какъ безконечно измѣнчива натура самихъ половыхъ ферментовъ. Вслѣдъ за разнѣномъ ферментами путемъ полового общенія наступаетъ и самое обновленіе организма общающихся. Въ противномъ же случаѣ появляется склонность къ преждевременному увяданію. Вотъ почему любовь, которая даетъ каждому изъ двухъ въ любовной парѣ самое дорогое, что только можетъ дать наша природа, взятая сама по себѣ, — элементы жизни, обновленія, подъема энергіи, — сопровождается цѣлымъ кортежемъ ассоціированныхъ симпатическихъ и притягательныхъ чувствъ, которыя такъ удачно охарактеризовалъ Спенсеръ въ своей извѣстной формулѣ любви (чувства, производимыя личной красотой, чувства привязанности, одобренія, обладанія и любовной свободы — всѣ барьеры падаютъ¹⁾). По

¹⁾ Всѣ эти чувства, ни каждое въ отдѣльности, ни всѣ вмѣстѣ въ одномъ сплавѣ, не опредѣляютъ, однако, любви самой по себѣ, какъ это показалъ Гастонъ Данвилль въ своемъ интересномъ изслѣдованіи „*La psychologie de l'amour*“, 1894. Къ сожалѣнію, и самъ Гастонъ Данвилль, не даетъ исчерпывающаго опредѣленія, о чемъ будемъ еще имѣть случай говорить.

этому же самому любовь не есть одностороннее грубо-эгоистическое чувство, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда тѣмъ, кто не вполне освоился съ новой точкой зрѣнія. Если эгоистическій элементъ ея заключается въ томъ, что любить значитъ нѣчто брать отъ существа другого пола, метафорически говоря, питаться имъ, то альтруистическій ея элементъ, напротивъ, будетъ состоять въ томъ, что любить значитъ вмѣстѣ съ тѣмъ давать нѣчто другому, питать его.

Съ этой точки зрѣнія любовь пріобрѣтаетъ характеръ эгоальтруистическаго чувства, по терминологіи Спенсера, нисколько не оскорбительнаго для нашего гуманнаго сознанія. Съ той же точки зрѣнія вполне понятно, почему любовь есть любовь, такъ какъ очевидно сама природа, помимо нашего сознанія и воли, заставляетъ насъ болѣе всего любить то, что служить непосредственнымъ источникомъ обновленія и возобновленія жизни: отсюда же видно, что половая любовь нисколько не исключаетъ идеальной любви, сопровождающейся поэтическими грезами.

Половая и идеальная любовь это не двѣ разныхъ формы любви противорѣчивыхъ и взаимно исключających другъ друга, какъ ошибочно продолжаютъ думать очень многіе; это лишь двѣ разныхъ фазы или разныхъ наслоенія одного и того же чувства. Идеальная фаза обыкновенно предшествуетъ половой и вмѣстѣ съ тѣмъ надвигается на нее какъ своего рода прикрытіе и предохранительная оболочка, подѣ которой всего лучше вызрѣваетъ органическое ядро. Иногда бываетъ и на-

оборотъ, идеальная фаза слѣдуетъ за половой, что видно на примѣрѣ тѣхъ случаевъ, когда субъектовъ, уже имѣвшихъ любовный опытъ въ прошломъ, влечетъ другъ къ другу, повидимому, одна обнаженная животная страсть и вдругъ эта страсть, уже не разъ удовлетворенная, неожиданно вспыхиваетъ огнемъ идеальной любви со всѣми ея лирическими и драматическими элементами, такъ очищающими и укрѣпляющими истинный любовный союзъ. Подобный взглядъ на любовь, какъ на психо-физиологическое состояніе, въ которомъ идеальные психическіе элементы растутъ и движутся въ зависимости отъ движенія и роста органическаго ядра, вполне отвѣчаетъ современному ученію объ эмоціяхъ. Тѣмъ не менѣе, и съ научной точки зрѣнія это вполне допустимо, возможны до нѣкоторой степени диссоціація и расхожденіе обѣихъ фазъ любви, идеальной и половой: тогда это уже будутъ не фазы, а обособленные формы любви, способныя къ самостоятельному существованію, при чемъ каждой изъ нихъ будетъ отвѣчать и своя органическая почва. Къ такимъ идеальнымъ, обособленнымъ формамъ, гдѣ непосредственное органическое влеченіе сведено до минимума, относятся и такъ называемыя чистыя формы любви, какова, напр., платоническая любовь или любовь, *не имѣющая органовъ*, по счастливому выраженію Прудона. Въ обыкновенъ же естественномъ порядкѣ вещей и идеальная, опозитивированная фаза любви совпадаетъ съ тѣми періодами въ природѣ или развитіи самого человѣка, когда потребность органическаго обновленія или проявляется впервые или обостряется вновь, при чемъ это обновленіе не достижимо никакимъ инымъ путемъ, кромѣ полового общенія съ существомъ, находящимся въ сходномъ состояніи. Тогда и половой голодъ, половое алканіе достигаютъ высшей степени сверега напряженія въ половой любви, сливаясь съ идеальной любовью, какъ съ своимъ свѣтлымъ и прекраснымъ путеводящимъ геніемъ, предвѣстникомъ обновленія; половая любовь такимъ образомъ еще болѣе облагораживается и дости-

гаетъ высочайшей ступени *родового чувства*, направленнаго на достиженіе высшихъ цѣлей въ органическихъ предѣлахъ собственной, индивидуальной жизни и за предѣлами ея (обновленіе себя, возобновленіе и продолженіе рода) ¹⁾.

¹⁾ Любопытно, что еще задолго до Броунъ-Секара знаменитый Кабанисъ, ученый врачъ, философъ и поэтъ конца XVIII вѣка, указывалъ на ту важную роль, которую играютъ въ исторіи развитія индивидуальных отличій юноши отъ дѣвушки ихъ половыя железы въ періодѣ формировація. Въ своемъ знаменитомъ трудѣ „*De physique et du moral de l'homme*“, онъ слѣдующимъ образомъ трактуетъ причины этихъ отличій. Мужскія половыя железы приготавливаютъ особенную жидкость, которая, поступая въ кровь—Кабанису далеко не чужда была идея внутренняго отдѣленія половыхъ железъ—сообщаетъ ей болѣе возбуждающее и дѣятельное свойство. Это выражается тѣмъ, что въ эпоху образованія этой жидкости голосъ у юноши становится наиболѣе сильнымъ, движенія рѣзкими, фizioномія болѣе смѣлой и опредѣлившейся (*proposée*).

Въ то же время лицо и нѣкоторыя другія части покрываются волосами—несомнѣнный признакъ нарожденія половой силы.

Съ другой стороны все возвышается, что и въ яичникахъ дѣвушекъ образуется особенная жидкость, всасываніе которой въ кровь вноситъ туда сходныя дѣйствующія начала и новыя возбужденія. Появленіе регулъ, набуханіе грудныхъ железъ и другіе сочувственные признаки, которыхъ не было ранѣе, ясно указываютъ, что яичники, начали функционировать. Вместе съ тѣмъ болѣе живой блескъ въ глазахъ, большая выразительность взглядовъ и всего лица, одновременно съ проявленіемъ большей сдержанности и робости, не оставляютъ никакого сомнѣнія въ возбуждающемъ влияніи на весь организмъ, которое зависитъ съ этого момента отъ присутствія яичниковой жидкости и которое опредѣляетъ въ періодъ формировація индивидуальную судьбу женщины (стр. 259—260, изданіе 1867 г.).

Въ такую же зависимость отъ различія половой сферы ставятъ Кабанисъ и прочія нравственно-психическія особенности въ темпераментѣ и характерѣ юношей и дѣвушекъ, которыя онъ описываетъ сходственно съ тѣмъ, что мы читаемъ въ 5-й книгѣ *Эмилія* Руссо. Сравнивая различныя индивидуальныя особенности того и другою пола, нельзя не признать, что нѣкоторыя весьма важныя преимущества, примѣръ, преимущества умственной и мышечной силы остаются на сторонѣ мужчинъ. Изъ этихъ преимуществъ нельзя однако дѣлать нелѣпаго вывода о необходимости подчиненія одного пола другому, какъ это дѣлаютъ еще весьма многіе и въ наше время исключительно до Нитцше и его послѣдователей.

Обращаясь къ среднему возрасту, мы не можемъ не признать, что этотъ возрастъ всего чаще обходится безъ любви. Однако нельзя сказать, чтобы этотъ возрастъ былъ избавленъ въ то же время и отъ полового голода. Почему же половой голодъ не ассоциируется тутъ съ любовью?

Средній возрастъ есть по преимуществу возрастъ органическаго равновѣсія силъ въ человѣкѣ. Поэтому онъ не нуждается въ томъ особенно сильно дѣйствующемъ половомъ ферментѣ, который, какъ есть основаніе думать, только и вырабатывается въ пору любви, или, по меньшей мѣрѣ, въ пору юности. Что половые ферменты любовной поры должны отличаться особенной энергіей, объ этомъ мы можемъ судить по аналогіи съ дѣйствіемъ весенней Броунъ-Секаровской эмульсии, взятой отъ животныхъ въ сезонъ любви, дающей положительно лучшіе результаты. Въ извѣстномъ смыслѣ для лицъ средняго возраста, вполне нормальныхъ и здоровыхъ, процессъ любовной ферментаціи — мы позволимъ себѣ

Индивидуальныя особенности половъ есть, напротивъ, естественный поводъ къ воспитанію и образованію тѣхъ индивидуальных проявленій ума и характера, отъ смѣшенія и воздѣйствія которыхъ на духовную культуру эта послѣдняя выигрываетъ въ разнообразіи, блескѣ, напряженности и продуктивности поступательнаго движенія. Духовная культура выиграетъ еще болѣе, если высоко развитыя прирожденныя особенности темперамента, ума, характера и талантовъ того и другого пола будутъ смѣшиваться на почвѣ любви и брачнаго отбора наиболѣе совершенныхъ паръ, закрѣпляясь въ концѣ концовъ органической наслѣдственностью. Въ подобномъ сочетаніи важнѣйшее условіе человѣческаго счастья и одна изъ конечныхъ цѣлей самаго прогресса.

такъ выразиться — съ его возбуждающимъ отраженіемъ на психикѣ и всемъ организмѣ, былъ бы не только излишенъ, но даже вреденъ, въ особенности если бы онъ часто повторялся. Онъ можетъ повести къ критическому нарушенію органическаго равновѣсія и выбить человѣка изъ привычной колеи. Поэтому средній возрастъ и обходится болѣе спокойными формами полового обмѣна въ обычномъ брачномъ союзѣ, гдѣ на мѣсто отпавшей любви становится прочное и глубокое чувство обоюдной симпатіи, какъ это бываетъ въ счастливыхъ бракахъ.

Но число счастливыхъ, устойчивыхъ браковъ было всегда не велико; въ наше же время ихъ становится все меньше и меньше, все чаще и чаще къ органическому стволу современнаго брака прививаются паразитирующія формы адюльтера. Оставляя вопросъ объ этихъ паразитирующихъ формахъ и ихъ причинахъ пока въ сторонѣ, — эти причины не такъ давно сгруппировалъ извѣстный французскій критикъ Пелисье въ одной изъ своихъ статей объ адюльтерѣ въ французскомъ романѣ — мы остановимся на одной изъ такихъ причинъ, которая по справедливости можетъ считаться главнѣйшей. Она заключается въ томъ, что адюльтеръ является коррективомъ, поправкой къ дурно заключеннымъ бракамъ, основаннымъ не на естественномъ влеченіи сердца, а на побочных соображеніяхъ и расчетахъ чисто социальнаго

свойства. Объ этой причинѣ съ давнихъ поръ повсюду свидѣтельствуется народная пѣсня и въ особенности старофранцузская. Отдаленнѣйшія прародительницы современной французской *femme-adultère*, собираясь весной на лужайкахъ водить хоробы и пользуясь тѣмъ, что Гастонъ Пари называлъ *libertas maja* (майской свободой), громко распѣвали: «*Je ferai novel ami*» (я заведу себѣ новаго друга)¹⁾. Нетрудно догадаться, что главными запѣвалами въ этомъ хорѣ являлись «*mal mariées*», т.-е. неудачницы въ бракѣ и вотъ вамъ основная причина адюльтера налицо. Подобно большинству социальныхъ причинъ, она катится къ намъ въ формѣ глубокой волны съ древнѣйшихъ временъ, мѣняя въ зависимости отъ времени и текущихъ общественныхъ условий, лишь форму и размахъ колебаній.

Но что такое естественное влеченіе сердца? Подъ социальной или, точнѣе, социально-психологической причиной кроется другая, болѣе глубокая биологическая причина и на ней-то мы должны на минуту остановиться. Ранѣе мы характеризовали любовь какъ своеобразное чувство, какъ особенное психо-физиологическое притяженіе, играющее роль избирательнаго сродства въ взаимномъ сближеніи половъ. Теперь мы должны прибавить, — и въ этомъ мы совершенно согласны съ Дан-

¹⁾ Приведено у Пти-де-Жюльвиля въ I томѣ капитальнаго сборнаго труда „*Histoire de la langue et de la littérature Française*“. Р. 1896.

виллемъ, — что это своеобразное чувство не сводимо ни на какое другое, представляетъ изъ себя специфическую эмоцію, которую нельзя передать словами и которую нужно пережить самому, чтобы судить о ея внутренней психологической природѣ.

Любовь зарождается въ органическихъ глубинахъ полового инстинкта и, дѣйствительно, можетъ быть сведена къ избирательному сродству, къ физико-химическому притяженію (хемотаксисъ), въ своемъ простѣйшемъ видѣ, какъ это показали Мопя и Ферворнъ, изучившіе явленія такъ называемаго выбора у низшихъ микроорганизмовъ. Но человѣкъ не инфузорія и у него любовное влеченіе можетъ быть сравниваемо съ избирательнымъ сродствомъ и физико-химическимъ притяженіемъ лишь въ весьма отдаленномъ смыслѣ. Его любовная эмоція въ значительной степени втягиваетъ въ себя сознательно психологическіе элементы эстетическаго, нравственнаго, отчасти разсудочнаго характера, такъ что, говоря о любовномъ выборѣ у человѣка, мы невольно предполагаемъ, что въ этомъ выборѣ онъ руководствуется извѣстнымъ *идеаломъ*. Но и любовный идеаль, подобно любовной эмоціи, коренится своимъ основаніемъ въ органическихъ нѣдрахъ полового инстинкта, являясь своего рода предвосхищеніемъ реальныхъ любовныхъ алканій путемъ воображенія и отдаленной мечты. Другими словами, любовный идеаль есть заранѣе вырабатывающаяся пси-

хическими средствами форма, въ которой должна осуществиться любовная эмоція въ будущемъ. Его подталкиваетъ изнутри наружу все та же органическая основа и настраиваетъ на свой біологическій тонъ. И потому отвѣчать любовному идеалу другъ друга это значитъ покрывать другъ друга всѣмъ своимъ органическимъ и психическимъ существомъ со всѣми его индивидуальными и интимными особенностями. А это въ свою очередь значитъ отыскивать, угадывать другъ друга ощупью съ огромнымъ рискомъ постоянной ошибки.

Это отыскиваніе и угадываніе другъ друга идетъ хорошо, пока повѣрка любовнаго идеала доступна органамъ чувства: зрѣнію (красота формъ и здоровье по внѣшнему виду), слуху (симпатичность голоса и рѣчи), осязанію (пріятно ли погладить и обнять) и, наконецъ, даже обонянію (каково пахнетъ) ¹⁾. Попутно замѣтимъ, что красота, играющая такую видную роль въ взаимныхъ отношеніяхъ съ любовью — любовь обыкновенно тяготеетъ къ красотѣ, красота зарождаетъ любовь, — есть высшая норма правильныхъ соотношеній органовъ и ихъ отправленій, что въ свою очередь есть наивысшая норма здоровья, въ опредѣленіи чего смутный инстинктъ чувствъ

¹⁾ Существуетъ указаніе, что Александръ Македонскій издавалъ благовонный запахъ и потому пользовался особенной любовью женщинъ. Возможно, что нѣкоторые органы чувствъ обостряются въ періоды любви, судя потому, что мы наблюдаемъ у животныхъ; половые же ферменты, циркулирующіе въ крови, въ свою очередь сообщаютъ тѣлу специфическій запахъ.

почти не расходится съ научнымъ сужденіемъ. Любовное избраніе идетъ хуже при провѣркѣ умственныхъ и нравственныхъ качествъ, потому что этого рода повѣрка требуетъ не смутнаго, а яснаго сужденія, которое обыкновенно затемняется эмотивнымъ состояніемъ влюбленности съ ея иллюзіями и преувеличеніемъ. Оно становится почти безпомощнымъ у человѣка, когда требуется открыть, вполне ли субъекты будутъ аккомпанировать другъ другу, сообразно интимнымъ особенностямъ каждаго, какъ раздѣльно-полая существа и какъ — воспользуемся нашей гипотезой — жизненные ферменты, способные вступить въ реакцію и наилучшимъ образомъ обновить и дополнить другъ друга. Вотъ что значитъ естественныя влеченія сердца, столь трудно осуществимыя сами по себѣ и еще болѣе сбиваемыя съ толку противорѣчивымъ вмѣшательствомъ постороннихъ соображеній и брачныхъ расчетовъ. Теперь понятно — разъ естественныя влеченія сердца не удовлетворены — не удовлетворена и половая индивидуальность въ своихъ психо-органическихъ алканіяхъ. А потому и въ среднемъ возрастѣ вполне допустимы новыя переживанія любви и чаще всего они осуществляются внѣ брака, иногда въ такихъ формахъ, которыя по своей устойчивости, глубокой интимности и искренности чувствъ стоятъ выше формальнаго брака.

Но этими случаями не ограничивается органическая потребность повторной и даже
новый взглядъ.

многократной любви въ среднемъ возрастѣ. Встрѣчаются богато одаренныя, даровитыя натуры, съ кипучимъ сердцемъ и обширными замыслами въ головѣ; эти по преимуществу темпераментныя натуры расходуютъ огромный запасъ нервно-психической энергіи и потому постоянно или, во всякомъ случаѣ, весьма нерѣдко, нуждаются въ обновленіи своихъ силъ по *методу любви*, если позволительно такъ выразиться. У ихъ изголовья какъ бы попеременно горятъ два факела: одинъ зажженный богомъ мысли, другой, зажженный богиней любви. Въ силу этого подвиги мысли и дѣла чередуются у нихъ съ непреодолимой потребностью любви въ періодъ отдыха. Это—не Фаусты и не Донъ-Жуаны въ пошломъ смыслѣ слова. Чтобы отличить ихъ отъ тѣхъ и другихъ, мнѣ достаточно напомнить выдающійся примѣръ Лассаля, который постоянно горѣлъ между потребностью великихъ дѣлъ и потребностями сердца. Гордый и протестующій духъ Байрона, какъ бы органически питается любовью самъ и питаетъ ею свое творчество психически ¹⁾ въ дни борьбы и изгнанія. Въ классической древности подходящими примѣрами могли бы служить Периклъ, отчасти Алкивиадъ, Александръ Македонскій, Антоній и даже Юлій Цезарь, если бы мы могли въ точности знать

1) Отношенію любви къ творчеству мы посвятимъ отдѣльную бесѣду. Пока же, достаточно отмѣтить, что самый фактъ подобной зависимости внѣ всякаго сомнѣнія.

не то, какой любовью они пользовались,—въ дѣйствительности это достаточно хорошо намъ извѣстно,—а то *какой любви жаждали ихъ сердца*, согласно ихъ психо-органическому идеалу.

Наконецъ, даже въ пошлыхъ любовныхъ приключеніяхъ средняго человѣка среднихъ лѣтъ сказывается указываемое нами чередованіе между усиленной дѣятельностью и потребностями эротическаго возбужденія, на что такъ широко спекулируютъ увеселительныя заведенія низменнаго пошиба во всѣхъ большихъ центрахъ и столицахъ Европы, не исключая, конечно, и Россіи.

Устанавливая соотношеніе между потребностью любви и потребностью органическаго освѣженія въ каждомъ возрастѣ, мы какъ будто исключили старческій возрастъ, который, можно подумать, еще менѣе нуждается въ любви, чѣмъ средній возрастъ. Между тѣмъ съ точки зрѣнія устанавливаемого нами соотношенія между потребностью любви и потребностью органическаго обновленія, старческій возрастъ, казалось бы, всего болѣе нуждается въ любви, потому что всего болѣе нуждается въ органическомъ обновленіи.

Какъ это покажется ни страннымъ, а старческій организмъ, взятый самъ по себѣ, вовсе не такъ чувствителенъ къ нарастающимъ недочетамъ своего возраста, если только мы имѣемъ дѣло съ нормальной, физиологической старостью. Всѣ органическіе процессы постепенно, шагъ за шагомъ, идутъ на убыль,

въ томъ числѣ и процессъ возобновленія тканей; расходъ жизненной энергіи уменьшается, общая и специальная чувствительность понижаются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самая потребность въ обновленіи какъ бы притупляется и глохнетъ, становится не столь ощутительной. И если среди лицъ средняго возраста, которымъ не далеко до начала старости, слышатся нерѣдко выраженія желанія встряхнуться, спустить десятокъ лѣтъ съ плеча, помолодѣть, то настоящіе старики выраженіе такихъ желаній встрѣчаютъ или равнодушіемъ или несходительной улыбкой. Тѣмъ болѣе, что секретъ помолодѣть *по методу любви*,—они сознаютъ это хорошо,—по своей громоздкости и хлопотливости имъ будетъ не подъ силу. И потому любовь, какъ вѣстникъ обновленія, лишь въ видѣ исключенія навѣщаетъ старческое сердце. Къ этимъ немногимъ исключеніямъ относятся такіе великіе старики, какъ Гете, который сохранилъ способность и потребность любить до преклоннаго возраста¹⁾. И, хотя правъ поэтъ, говоря: «любви всѣ возрасты покорны»—мы не утверждаемъ противнаго,—тѣмъ не менѣе для стариковъ гораздо спокойнѣе пользоваться Броунъ-Сека-

¹⁾ Последняя любовная страсть Гете къ Ульрику Левепоу имѣла мѣсто, когда поэту было уже 74 года. См. интересныя подробности въ новѣйшей біографіи поэта—Бельшовскаго: «Goethe sein Leben und seine Werke. 2-er B. M. 1904», стр. 481 и слѣд. Подобно Фридерикъ Бріонъ, рѣшившей, что женщина, любившая Гёте, не можетъ принадлежать никому другому, Ульрика Левепоу осталась навсегда въ дѣвицахъ. Она умерла въ глубокой старости уже въ наши дни (1899 г.).

ровскою діетой и приступить къ этому во время, пока еще не укоренился артеріосклерозъ и вообще старческий склерозъ органовъ и тканей, такъ какъ отвердѣвшіе органы и ткани глухи къ дѣйствию оживляющихъ ферментовъ.

Итакъ, если можно сказать, что половой голодъ рождаетъ любовь, то непременно нужно внести поправку,—*не при всякихъ условіяхъ времени и возраста*. Мы отчасти разобрали эти условія, они намъ ясно говорятъ, что любовь есть въ одно и то же время и вѣстникъ и средство органическаго обновленія. Подробнѣе вопросы о любви, ея формахъ и ея значеніи для брачнаго общенія мы разберемъ впослѣдствіи.

А пока резюмируемъ все сказанное нами. Любовь это именно голодъ взаимности съ избраннымъ существомъ и только съ нимъ однимъ; страстное желаніе органически и психически наполнить избранное существо и наполниться имъ, взаимно помѣняться частями своей природы, ощущать себя въ другомъ и другого въ себѣ, какъ бы отождествлять себя съ другимъ и находить въ себѣ нѣчто новое отъ этого другого. Однимъ словомъ, любовь есть алканіе, жажда, голодъ, потребность органическаго, а тѣмъ самымъ психическаго и нравственнаго обновленія и возобновленія себя въ потомствѣ посредствомъ самаго интимнаго и глубокаго общенія съ избраннымъ существомъ другого пола.

Въ этомъ процессѣ обмѣна жизненными и нравственными элементами между любящими существами и ихъ взаимо-обновленіи въ предѣлахъ и за предѣлами собственной индивидуальности заключается таинство любви и ея разгадка. При этомъ моментъ собственно физическаго общенія, вопреки господствующему предразсуду и ложнымъ сужденіямъ моралистовъ, нисколько не ослабляетъ идеальныхъ элементовъ любви:—взаимной преданности, готовности къ самопожертвованію, постоянной мысли другъ о другѣ и т. д., если только, добавимъ, мы имѣемъ дѣло съ настоящей любовью, взрожденной цѣломудріемъ, а не съ фальшивымъ, истасканнымъ, декадентски разлагающимся проявленіемъ любви. Въ извѣстномъ смыслѣ и самый идеализмъ въ любви есть лишь психическое проявленіе напряженной формы цѣломудрія. И даже тогда, когда любовь завершаетъ свой кругъ развитія,—какъ всякое естественное явленіе оно имѣетъ свое начало и свой конецъ,—его идеальные элементы еще остаются въ нашемъ сознании. Правда, въ видѣ меланхолическихъ и одинокихъ тѣней прошлаго, но зато всегда дорогихъ намъ тѣней, глубоко волнующихъ наше сердце.

Мы не дѣлаемъ выводовъ и гигиеническихъ приложений, оставляя ихъ до послѣдующихъ отдѣловъ. Тѣмъ не менѣе изъ всего предыдущаго выводы напрашиваются сами собой. Если спокойное, нормальное развитіе половой

сферы, согласно ненарушаемымъ законамъ самой природы, играетъ такую важную роль прежде всего въ развитіи самого организма, затѣмъ въ формированіи психической и нравственной личности, то понятно въ какой степени важно сохраненіе цѣломудрія до брака, въ который не слѣдуетъ вступать ранѣе достиженія полной физической и половой зрѣлости. Съ другой стороны, если самый бракъ является не только орудіемъ продолженія потомства, но также источникомъ индивидуальныхъ наслажденій, укрѣпленія физическихъ и нравственныхъ силъ, то ясно, въ какой строгой чистотѣ долженъ поддерживаться этотъ источникъ, въ которомъ крѣпнетъ и обновляется сама жизнь! Этотъ источникъ не терпитъ ни малѣйшаго загрязненія. Тамъ, гдѣ онъ свѣтелъ и чистъ, тамъ свѣтла и чиста органическая, а вмѣстѣ съ ней нравственная и общественная жизнь человѣка. Загрязненіе же его ведетъ къ нравственно-половому вырожденію и, въ концѣ-концовъ, къ исчезновенію расы, какъ это показываетъ исторія отдѣльныхъ семей, племенъ и даже цѣлыхъ народовъ.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
1984 г.

